

5. Froger, G. Elements pour une theorie institutionnaliste des ressources naturelles revisites // Economies et Societe. – 1997.
6. Mc Kelvy, V. Mineral Resource Estimates and Public Policy // American Scientist. – 1972. – Vol. 60.
7. Malenbaum, M. World Resources for the Year 2000 // The Annals of the American Academy of Political and Social Science.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Смолик

Выход культурологии в сферу экспертной деятельности представляется закономерным этапом институционализации науки, формой профессиональной деятельности культуролога и способом практической реализации культурологического знания. Увеличение роли экспертного знания процессов социодинамики культуры, как полагают представители социально-гуманитарных наук, обусловлено нарастанием диверсификации сфер культурной деятельности, а также «оповседневиванием» специального знания [1].

Культурологическое знание, хотя и представляет собой разновидность гуманитарного знания, функционирует особым образом. Если теоретическая наука, в идеале нацелена на выработку новых знаний, на обновление методологического и аналитического инструментария, то культурологическое знание оперирует проверенными методиками и обращается к уже завоевавшим авторитет подходам и системам аргументации.

В рамках культурологической экспертизы, по мнению российского культуролога Г. Л. Тульчинского, возможно реализация исследований не просто отдельного фрагмента реальной действительности, но и анализ культурного пространства в целом. И, помимо теоретического осмысления фундаментальных культурологических проблем, сегодня выявляется необходимость в разработке специальных проектов прикладного характера, направленных на решение конкретных задач [1].

Нами под культурологической экспертизой понимается, во-первых, сам факт участия культурологов (т. е. специалистов, обладающих соответствующей академической квалификацией) в различных видах экспертиз; во-вторых, привлечение концептуального аппарата культурологии для создания экспертного инструментария (методик и приемов) в традиционных и новаторских видах экспертизы; в-третьих, экспертная практика, которая своим предметом или контекстом полагает культуру, понятую в широком смысле (как коллективный опыт, как мир ценностей и смыслов, как сложную реальность, пронизанную

нелинейными взаимосвязями между различными сферами человеческой жизни) или в узком (как «отрасль», регулируемую культурной политикой).

По нашему мнению культуролог способен участвовать в таких видах экспертно-аналитической деятельности, как:

- экспертиза культурных ценностей, включая весь спектр проблем, связанных с их созданием, хранением, распространением, тиражированием, функционированием в системе учреждений и организаций культуры, арт-рынка и его отдельных сегментов;

- экспертиза культурно-образовательных, научно-исследовательских и культурно-просветительских проектов, реализуемых в социокультурной сфере;

- социокультурная экспертиза широкой проблемной зоны (сферы культуры, науки, образования, здравоохранения, коммуникаций, экологии и т. д.) и экспертный анализ программ социокультурного развития и комплексных инновационных проектов;

- экспертиза, теоретического моделирования и прогнозирования культурного развития, основных векторов и перспектив динамики процессов и явлений культуры, эффективности критериев и принципов коммуникативного взаимодействия между различными социальными субъектами, осуществляющими культуросотворческую деятельность;

- профессиональная аттестация работников сферы культуры, образования, науки; государственных служащих, занимающихся вопросами регулирования сферы культуры на разных уровнях власти;

- экспертиза образовательных и научно-исследовательских программ и других видов учебно-методической продукции по профилю научной специальности эксперта;

- разработка экспертных оценок в фирмах и консалтинговых компаниях, общественных и государственных организациях социокультурной сферы.

На наш взгляд, независимо от целей и вида экспертизы основными принципами, предъявляемыми к результатам экспертной деятельности культуролога, выступают: профессиональная компетентность, научная объективность, независимость от заказчика.

Повышению значения экспертно-аналитической деятельности культурологов способствуют социокультурные изменения, демократизация общественной жизни, формирование системы государственно-общественного регулирования в сфере культуры.

На сегодняшний день было бы преувеличением говорить о сложившейся практике культурологической экспертизы и об устойчивой привычке обращения к культурологам за экспертным заключением. Тем не менее, белорусские культурологи уже имеют определенный опыт в этой области. Так, в рамках культурологической экспертизы ими реализованы ряд исследований не просто отдельного фрагмента реальной социально-

культурной действительности, но анализу подвергались ряд масштабных культурных пространств в целом. В конце 1990 – начале XXI в. отечественные культурологи провели масштабное исследование социодинамики культуры постчернобыльского региона, включающего 27 городов и 3220 населенных пунктов, в которых проживало 840 951 человек [2].

Экспертная группа из высококвалифицированных культурологов страны на протяжении 2016–2017 гг. анализировала состояние дел в сфере культуры по разным ее структурным и функциональным составляющим. По результатам исследования Министерству культуры была представлена программное экспертное заключение о состоянии и перспективах развития культуры в Беларуси. Помимо него в Белорусском университете культуры и искусств была проведена научно-практическая конференция, на которой обсуждались аспекты итогов деятельности экспертной группы, в СМИ опубликованы статьи по частным вопросам эффективности культурной политики.

Культурологами страны проведены экспертизы культурного потенциала Минска и Полоцка. По итогам исследования разработаны соответствующие практические рекомендации местным органам власти, общественность получила возможность ознакомиться с предложениями экспертов через публикации в СМИ [3, 4].

Объектом культурологической экспертизы являются артефакты нематериального культурного наследия белорусского народа и использования его в процессе формирования самосознания и культурной идентичности личности [5].

Суммируя вышеизложенное можно утверждать, что в Беларуси имеется определенный опыт участия культурологов в экспертной деятельности, расширяется поле социальных практик, в которых востребовано исследование, опирающееся на культурологическое знание. Вместе с тем необходимо признать, что для экспертизы с привлечением культурологического знания в Беларуси пока нет специально подготовленных специалистов. Из этого вытекает насущная потребность специальной подготовки вузами культурологического профиля кадров по специальности культурологическая экспертиза.

Литература и источники

1. Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. – СПб.: Изд-во РПГУ им. А. И. Герцена, 2011. – 508 с.
2. Кухто, Л. К. Социокультурная характеристика субъектов постчернобыльского социума / Л. К. Кухто // Правовая культура и социально-экономическое развитие общества Беларуси в историческом процессе: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 ноября 2002 г. / Бел. ин-т правоведения. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2002. – С. 16–18.

3. Джумантаева, Т. А. Музеефікацыя культурнай прасторы Полацка: традыцыі і навацыі: аўтарэф. дыс. ... канд. культуралогіі: 24.00.03 / Т. А. Джумантаева // Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2001. – 24 с.
4. Соколова, О. М. Теоретико-методологические подходы к изучению города как объекту культурологического исследования / О. М. Соколова // Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 60–66.
5. Канановіч, С. К. Праблемы атрыбуцыі аб'ектаў духоўнай спадчыны ў свеце сучаснай культуралогіі / С. К. Канановіч // Роднае слова. – 2010. – № 1. – С. 100–105.

ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ЧАТ-БОТЫ, БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИИ

Т. М. Смоликова

Исследования применения интернет-технологий и искусственного интеллекта в политических коммуникациях в отечественной науке находится в начале пути. Сегодня технологии получают все большее признание в мире в качестве эффективного канала политических коммуникаций. Среди наиболее востребованных технологий выделяют социальные сети, чат-боты и блокчейн-технологии.

Социальные сети можно определить как совокупность людей или деловых партнеров, которые взаимодействуют на основе общих интересов, где взаимодействия поддерживаются технологиями и руководствуются определенными протоколами и нормами. Сегодня в мире более 3 млрд. человек зарегистрированы в социальных сетях [1]. Это говорит о том, что социальные сети делают общество более открытым и демократизированным. Они не только предоставляют пространство (место) для обсуждения, но также способствуют построению социального порядка, в том числе через индивидуализированность пользовательского статуса. Чем выше уровень взаимодействия пользователей в социальных сетях, тем более тесные межличностные отношения могут быть достигнуты.

Специалисты утверждают, что для создания и поддержания социальных связей с целевыми группами индивид должен иметь привязанность к семье, приверженность социальным нормам и институтам, заниматься какой-либо деятельностью и быть адаптированным к общепринятым рекомендациям, одобренными социальной группой, в которую он входит. Кроме этого, человек тесно привязан к другим членам общества, он склонен верить в общие моральные ценности общества. Приверженность связана с амбициозной целью, которую человек стремится достичь, например, с высоким уровнем образования и положительной репутацией [2].